

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Сокол и Ворон

Совиная башня

Ульяна Черкасова

СОКОЛ
И
ВОРОН

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Иллюстрация на переплете *Лидии Магоновой*

Иллюстрация на авантитуле *Нади Совы*

Иллюстрации на форзацах *Анастасии Осемеж*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Черкасова, Ульяна.

Ч-48 Золотые земли. Сокол и Ворон / Ульяна Черкасова. — Москва : Эксмо, 2021. — 640 с.

ISBN 978-5-04-122872-9

Дара выросла на краю Великого леса. С детства её учили: не твори заклинаний и остерегайся лешего. Но однажды у неё не останется выбора.

Милош чудом выжил, когда началась охота на ведьм. Он привык скрывать свой чародейский дар, но бояться смерти просто устал.

Вячко знает, что он незаконный сын Великого князя, и мечтает заслужить признание отца. Но это значит, что придётся навсегда проститься с любимой.

Ежи помнит сказания о древних богах предков: они коварны и беспощадны. Но что делать, если ты стал их жертвой?

Невозможно обхитрить богов в их игре человеческими судьбами.

Но все четверо обязательно попытаются.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Черкасова У., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-122872-9

Я пел о богах и пел о героях,
О звоне клинков и кровавых битвах;
Покуда сокол мой был со мною,
Мне клёкот его заменял молитвы.

«Королевна», Мельница

ПРОЛОГ

Великий лес

526 г. от Золотого Рассвета

Великий лес молчал. Он требовал жертвы.

Кто-то уже пытался пересечь границу. На плите лежал зарезанный петух, жужжали мухи, застыла кровь на холодном камне. Лес не принял жертву, не пропустил путника дальше каменной домовины. Следы на примятой траве вели обратно, прочь от владений Нави.

У Чернавы не было с собой ничего, но кровь чародея всегда была слаще мёда для навых духов.

В руке дрожал короткий нож — острый что игла.

Шумели кроны деревьев в вышине, и где-то над головой коротко пропела кукушка, вдруг замолкла, и вместе с ней весь лес замер в ожидании.

Наконец Чернава решилась, провела лезвием по смуглой коже, и горячая кровь потекла, зашептала голосом древних сил, запела, зашипела, коснувшись камня.

А лес всё молчал. Наблюдал, изучал. Он пробовал на вкус её кровь, познавал её душу, разум, её прошлое и будущее.

Чернава не замечала этого. Она выросла вдали от земель Нави. Она не понимала, о чём пел ветер в вышине, она не слышала, как звала вода в ручье, она не знала, как попросить духов о защите. Прежде она никого ни о чём

не просила. Прежде она не признавала никакой другой силы, кроме своей.

Но пришли Охотники, уничтожили её дом, семью, друзей, и вот Чернава стоит у границы Великого леса, отдавая свою кровь, обещая свою верность и чужую жизнь, если потребуется. Больше у неё ничего не осталось.

В ожидании Великий лес молчал.

Словно сумрак в вечерний час к границе подбирались шорохи и шёпоты. Кто-то скрывался среди тёмных деревьев. Еле слышными были его шаги, и Чернава не сразу заметила, что за ней следят, а лишь тогда, когда ей это позволили.

Меж еловых ветвей мелькнуло девичье лицо и тут же исчезло, только зелёная лапа ели качнулась, подтверждая, что увиденное не показалось.

— Стой! — Чернава сорвалась с места, но не нашла никого за деревьями.

Раздался треск. Звуки разлетелись в разные стороны. Тишина разбилась, лес ожил и заголосил.

Незнакомка мелькала то слева среди сосен, то справа в зарослях кустарника, и Чернава бросалась каждый раз за ней в погоню и каждый раз никого не находила.

Дыхание сбилось, руки покрылись царапинами, нож выпал и потерялся безвозвратно в траве.

В хороводе заплясали сосны. Закружилась голова.

— Сюда, — позвал лес.

Чернава оглянулась, побежала на зов, споткнулась о корягу и упала. Она не успела подняться. Нечто навалилось сверху, вцепилось в плечи, вдавило в землю. И зарычало утробно. Дыхание его смердело гнилой плотью и прелой листвой.

В оцепенении, точно во сне, Чернава неожиданно ясно разглядела росу на траве, пожелтевшие еловые иголки и зелёный мягкий мох. Время замедлилось, утонуло в трясине. Страх сковал тело, помутился разум, а когда пальцы всё же начали вить заклятие, нечто надавило на спину, прильнуло к самому уху и громко выдохнуло. Ледяная дрожь пробежала по телу.

Чернава не смела пошевелиться и только слушала громкое дыхание и чувствовала, как острые когти больно впивались в плечи.

— Дитя-а-а, — прошипело существо по-змеиному. — Ж-живое дитя.

Где-то в вершинах елей загудел ветер, всполошив птиц, они заголосили испуганно, а ветер полетел дальше, разнося весть:

— Ди-и-итя-а-а... Ди-и-итя-а-а...

Духи Нави почуяли новую жизнь, что зародилась в Чернаве.

Она попробовала вырваться, но ещё сильнее впились в кожу когти.

— Не убеж-ж-жишь...

Чародейка вскрикнула, порыв ветра сорвался с пальцев, подкинул её. Чудище сорвалось со спины, отлетело в сторону. Чернава вскочила на ноги, обернулась и увидела перед собой девушку, бледную, как погребальный саван. Она была простоволоса и нага, прижималась грязным телом к земле и всем своим видом походила на дикого зверя, что готовился к прыжку.

Лесавка.

Зашевелились кусты, и на глаза Чернаве показалась вторая лесавка, одетая в порванную рубаху. Шла она, сгорбившись, припадала на руки, скалилась, обнажая острые зубы.

— Дитя, — вторила она остальным. — Ж-живое дитя.

Пальцы уже вили новое заклятие. Незаметно, осторожно Чернава попробовала коснуться разума лесавок, одурманить, подчинить их, но мёртвым девам оказались не страшны чары, которые убивали живых, и она отступила. Медленно, не зная даже, в какую сторону бежать, она начала пятиться назад, когда за спиной раздался шум.

Чернава обернулась, и мир вокруг побледнел. Она рухнула на землю как подкошенная. Видения менялись одно за другим, наслаивались, путались. Образы смешались. Стоял перед ней человек в звериных шкурах? Или медведь на задних лапах? Или вовсе высокое дерево колы-

халось на ветру, и не было в помине человека? Чернава зажмурилась от боли, взгляд прожигал её. Горели ярко золотые глаза, пронзали насквозь, и голос гулкий, как ветер, и скрипучий, как стон старых деревьев, спросил:

– Чего ты хочешь, чародейка?

Чернава с трудом разлепила губы и произнесла едва слышно:

– Силы и убежища. Разреши мне спрятаться в твоём лесу, мне больше некуда идти.

– Чем ты заплатишь, чародейка?

Чернава промолчала, а лесавки закружили вокруг:

– Дитя, ж-живое дитя...

Руки сами потянулись к плоскому животу. Это была ещё не жизнь, только искра, но духи леса почуяли её, узнали. Сказания не лгали, всё до последнего слова оказалось правдой. И всё случилось так, как задумала Чернава.

– Я заплачу любую цену, но хочу получить кое-что взамен. Сделку, Хозяин, заключи со мной сделку, – проговорила она, и голос вдруг сорвался от отчаяния.

Лес недолго думал.

– Оставайся, – разрешил Хозяин. – Покуда не родится дитя, оставайся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЁРЫШКО СОКОЛА

ГЛАВА 1

От панского дома
по травам, долинам
едет панич в шапке
с пером соколиным.

*«Голубок»,
Карл Яромир Эрбен¹*

*Ратиславия, Златоборск
543 г. от Золотого Рассвета, месяц червень*

– Во-о-ор!

В кибитке завизжала старуха.

Милош чуть не выронил ларец, споткнулся и задел ногой охранную сеть чар, она вспыхнула ярко, коротко, и ногу пронзила молния.

– Ку-урва...

Дальше он не смог бежать, прошёл всего несколько шагов, волоча непослушную ногу. Проклятие прошло глубоко до самой кости. В глазах почернело.

Чары. Кто в фарадальском лагере мог наложить защитные чары на кибитку?

– Стой, вор!

Милош замер на месте. Вряд ли старуха хотела просто поговорить, но и бояться её вряд ли стоило. Медленно, осторожно он обернулся. Фарадалка стояла на ступеньках кибитки. Лицо её перекосило от бешенства.

– Верни ларец, – просипела она.

Неужели старуха и вправду надеялась его остановить?

¹ Перевод М. Зенкевича и М. Голодного.

– Ещё чего. Вы первые нас обокрали.

– Чтоб тебя!

Она выбросила скрюченную руку перед собой. Милош едва успел сообразить.

В него полетела молния.

Он отпрыгнул в сторону, упал на землю и подкатился под ближайшую кибитку.

Старуха закричала на фарададьском. Лагерь загудел как потревоженный улей. Со всех сторон послышались голоса, а старуха всё вопила, созывая народ.

Прижимая к груди ларец, Милош прополз в сторону. Старуха была ведьмой! Он мог догадаться. Он должен был догадаться, но совсем потерял голову от вина. Да если бы не вино, он вообще не полез бы грабить фарадалов!

Ежи был прав: Милош совсем ошалевший. Зачем он полез? Зачем?

Послышался топот. Стоило поспешить.

Вылез он с другой стороны кибитки. Там было безлюдно, но остальной лагерь уже проснулся. Милош ясно услышал голоса неподалёку.

Некоторое время он ковылял, как дряхлый старик, но с каждым шагом нога слушалась всё лучше, ступала твёрже, и наконец Милош смог побежать и бросился прочь из фарададьского лагеря. Каждый раз, когда он касался ступнёй земли, в ногу отдавало режущей болью, но страх оказался сильнее, он гнал его вперёд.

Больше никто не спал, никто не прятался.

Из кибиток выглядывали люди. Мужчины и женщины, молодые и старые. Почти каждый держал в руке оружие. Фарадалы всегда были готовы к драке.

Загорелись огни. Его заметили.

Краем глаза Милош увидел синюю вспышку. Он действовал не раздумывая – тело само приняло решение, – пригнулся чуть ли не до земли. И в следующий миг над головой пролетела молния, ударила в кибитку впереди.

Снова старуха? Он обернулся и увидел здорового мужика с топором. Сколько в фарададьском лагере чародеев?

– Чтоб Навь тебя поглотила, – выдохнул Милош.

Он нырнул в темноту и наконец выбрался из лагеря.

Милош восемнадцать лет не видел других чародеев, кроме учителя, и в эту ночь на него напали сразу двое. Из груди вырвался смешок, и он не понял, над чем засмеялся. От огней и шума закружилась голова.

Осторожно он выглянул из кустов. Милош огляделся, пытаясь сообразить, где оказался и в какой стороне находилась дорога. Из загоревшейся кибитки выбежала женщина, вытолкала детей и стала кидать им вещи, спасая от пожара. Дети голосили, рыдая от страха.

Из темноты, будто с неба, мигал ночными огнями Златоборск. Дорога от Восточных ворот города вела к тракту, там Милош договорился встретиться с Ежи.

Снова перевернулось сердце в груди. Кожей и кровью он почувствовал, как к нему устремилась смерть. Милош взмахнул рукой, выставил щит. Воздух задрожал, отразил удар. Молния отскочила, попав в другую кибитку, и та вспыхнула в одно мгновение. Наружу с воплем выпрыгнул мужчина, одежда его занялась огнём, и фарадал закрутился по земле, пытаясь сбить пламя.

Милош сорвался с места. Одной рукой он прижимал к груди деревянный ларец, а второй безостановочно плёл заклятие, надеясь сбить преследователей со следа.

Он уже не чувствовал боли в ноге, будто и не было сети проклятия. Выбежал прочь из лагеря, нырнул к избам в посаде, сворачивая с главной улицы, и, петляя, добрался до безлюдной дороги, ведущей из Златоборска к восточному бору.

Оглушённый собственным дыханием, он бежал, задыхался. В боку кололо, но Милош не мог остановиться. Позади шумел фарадальский лагерь, пахло дымом. Вдруг в столице ударил колокол. Пронзительный звон его разнёсся над посадом и полями вокруг, догнал Милоша на дороге и пролетел дальше. И ему вторили десятки других колоколов по всему Златоборску. Город проснулся, встревоженный пожаром под своими стенами.

Грохот подгонял Милоша вперёд. Он должен был уйти с дороги, укрыться за деревьями. Но когда до бора осталось всего ничего, топот коней разорвал тишину.

По дороге мчались два всадника. Милош побежал со всех ног, ещё отчаяннее, ещё быстрее, но всё равно не успел достичь деревьев. Хлёсткий удар сбил его с ног. Копыта лошади, разрывая землю, отбили дробь совсем рядом с головой.

Всадник ловко спешился, подскочил к нему и только нагнулся, чтобы схватить Милоша за шиворот, как он перевернулся на спину, вцепился рукой фарадалу в лицо. Тот завопил, упал на спину и заревел в ужасе. На лице багровел ожог от ладони, глаза обуглились, рассыпались золой. Ослепший, он закрутился на месте, завопил, проклиная и моля.

Но оставался ещё второй. В прыжке он соскочил с лошади и в мгновение оказался рядом. Его хлыст ударил по груди Милоша, вырвав пронзительный крик. Фарадал вновь замахнулся, но не успел ударить. Милош соединил пальцы, развёл в стороны руки, будто держа невидимую нить. Он бросил её на фарадала, тот обмер, с застывшим в воздухе хлыстом, и камнем грохнулся на землю. Ужом он закрутился, захрипел, пытаясь стянуть удавку.

У Милоша с трудом получилось встать на ноги, ещё сложнее получилось пойти. Ларец лежал на земле рядом с фарадалом. Он всё пытался стянуть невидимую петлю с шеи, лицо его посинело, ноги били по земле. Другой, что был с обожжённым лицом, пытался подняться. Эти двое вряд ли были чародеями, иначе смогли бы разорвать заклятие.

Милош отвернулся, поднял ларец, перехватил покрепче и направился в сторону бора.

Страх погони прошёл, и боль в ноге стала сильнее прежнего.

От использованных заклятий закружилась голова. Через несколько шагов Милош упал у корней дерева и долго пролежал, уткнувшись лицом в землю. Он дышал тяжело, лёгкие его горели, словно сожжённые изнутри. Колдовать, используя только собственные силы, всегда выходило непросто.

Он не сразу расслышал знакомый голос:

— Милош?

— Я, — выдавил он тяжело.

Ежи подошёл ближе, оглянулся пугливо на фарадалов. Один из них больше не шевелился. Другой смог сесть на коня, обхватил руками его шею, но, кажется, лежал без чувств.

— Ты в порядке? — спросил Ежи.

— Вроде. Ты всё взял?

— Да, — слуга помог ему подняться, подставил плечо и дальше почти потащил на себе. Милош едва передвигал ногами, но шёл упрямо дальше, прижимая к груди ларец.

— Пойдём подальше отсюда.

— А эти? — Ежи оглянулся на фарадалов.

— Эти всё. Если поспешим, то остальные не догонят.

Они удалились в глубь бора, опасаясь погони. Было темно, и Милошу пришлось достать из сумы хрусталь. Тот загорелся в его руке холодным синеватым светом, освещая путь. Сил хрусталь забирал совсем немного, но после всех заклятий и это давалось нелегко.

Ежи нёс их сумы и придерживал самого Милоша.

— Мы в беде, — проговорил он тревожно. — Я же просил тебя не лезть к фарадалам. Нельзя с ними связываться. Они же разбойники, их даже в Рдзению не пускают.

— Они сами не суются в Рдзению, — прохрипел Милош. — Они чародеи.

— Чародеи? — Ежи застыл на месте, уставился на него во все глаза. Свет хрусталя сделал его лицо мертвенно-бледным. — Чародеи? — повторил он изумлённо. — Нам конец. Они убьют нас. Убьют.

Милош не знал, как его успокоить. Он и правда не ожидал, что всё выйдет настолько неудачно. Все знали, что фарадалы нечестные люди. Если они проходили мимо деревни, то в стадах селян пропадала скотина, если появлялись в городе, то купцы теряли товар и деньги. Фарадалы обманывали легковерных и обкрадывали невнимательных. Но чтобы они были чародеями? Если бы Милош знал, то вряд ли осмелился ограбить их старейшину. Но вечером, когда они гуляли в лагере вместе с остальными горожанами, он не заметил в лагере колдунов.